

Глава 55. Старые сны (26)

Се Дунцзюэ опустил мушкет с плеча и вскинул брови. Его взгляд скользнул мимо Цзян Ехуна и замер на А-Жо.

— Ловец Чу, я погляжу, вы на дело с домочадцами ходите?

Слова угодили в самое уязвимое место. Цзян Ехун покраснел ушами, но лицо осталось бесстрастным.

— Второй хозяин, я здесь ради долговых расписок У Хуэйюнь. Прошу вас пойти мне навстречу.

Се Дунцзюэ убрал ногу с игорного стола, не сводя с лица гостя весёлой улыбки.

— У Хуэйюнь мертва, её лавки и усадьба теперь принадлежат Банку Шести Рядов. Толку от этих бумажек никакого. К тому же ловец Чу хочет пересмотреть дело Медицинской лавки семьи Гу — как я могу отказать в такой малости?

— В таком случае благодарю, — сухо отозвался Цзян Ехун.

Се Дунцзюэ небрежно махнул рукой.

— Но у меня есть условие...

Он подхватил стаканчик с костями и встряхнул его.

— Сыграй со мной. Выиграешь — заберёшь расписки.

Цзян Ехун понимал, что просто так долг не отдадут. Впрочем, в костях он и сам знал толк.

— Идёт.

Се Дунцзюэ склонил голову набок и прищурился, в упор глядя на А-Жо.

— Ловец Чу, боюсь, вы меня не поняли. Я хочу сыграть с красавцем, что стоит за вашей спиной.

Цзян Ехун мгновенно помрачнел. В нём вспыхнула неприкрытая враждебность. Будь это в прежние времена, он бы уже перемахнул через стол и выбил из этого наглеца всю дурь.

Се Дунцзюэ, ничуть не смутившись, продолжал улыбаться А-Жо.

— Раньше, чтобы увидеть его в Ижэнь-гэ, приходилось швырять золото пригоршнями. Я готов был выложить десять тысяч золотых, чтобы выкупить его, но он отказал. А теперь, надо же, ловец Чу его увёл... Ох, и завидно мне, просто до смерти.

В голосе Второго хозяина слышалась неприкрытая горечь, и это окончательно вывело Цзян Ехуна из себя. Он с силой прижал ножны меча к столу, и в воздухе повеяло жаждой крови.

— Это лишь доказывает, что судьба не благоволит Второму хозяину. Не стоит и мечтать о невозможном. А-Жо теперь мой человек, а благородный муж не отнимет того, что дорого другому.

Се Дунцзюэ расхохотался, хотя он недовольно взглянул. Он снова затряс стаканчик.

— Ловец Чу, это Призрачный рынок. Благородных мужей здесь отродясь не водилось. Но вы дали мне отличную идею. А-Жо, одна партия. Если выиграешь ты — забирай расписки и уходи. Если выиграю я — расписки всё равно твои, но ты останешься здесь на одну ночь. Будем пить и танцевать. Я не краду чужую любовь, но всегда не прочь попробовать на вкус то, что мне по душе. Как ни крути, ты ничего не теряешь.

Цзян Ехун едва сдерживал ярость. Он готов был голыми руками растерзать этого мерзавца.

— Второй хозяин, А-Жо — человек, а не вещь, чтобы выставлять его на кон! Расписки нужны мне, значит, и играть буду я. А-Жо здесь ни при чём.

Се Дунцзюэ проигнорировал его слова, не сводя глаз с юноши.

— Красавчик, что скажешь?

А-Жо легонько коснулся руки Цзян Ехуна.

— Ловец Чу, я сыграю.

— Нет! Пёс с ними, с расписками, мы уходим!

А-Жо удержал его за руку. Он смотрел твёрдо.

— Старший брат Чу, я не проиграю. То, что тебе нужно, сегодня будет у нас.

Цзян Ехун резко притянул его к себе.

— Я сказал: не смей!

А-Жо замер. Он впервые видел Цзян Ехуна в таком бешенстве. Юноша накрыл его ладонь своей и крепко сжал.

— Старший брат Чу, поверь мне. Я не проиграю.

Он мягко высвободил руку и шагнул к столу. Толпа вокруг зашушукалась.

— Хоть и мужчина, а до чего хорош... Неудивительно, что Второй хозяин за него десять тысяч золотых сулил.

— Красота такая, что и жизни не жалко. Как тут забудешь?

Эти голоса жалили Цзян Ехуна, словно осы. Тяжёлая, давящая аура вокруг него становилась почти осязаемой. А-Жо принадлежал ему. Только ему. И он не позволит никому даже коснуться его взглядом.

А-Жо взял кости.

— Каковы правила?

Се Дунцзюэ, подперев подбородок руками, открыто любовался им.

— Ставим на «больше» или «меньше».

— На что поставите вы?

— На «меньше», — усмехнулся Се Дунцзюэ.

А-Жо промолчал, лишь едва заметно улыбнулся и встряхнул стаканчик. По Призрачному рынку ходили слухи, что Се Дунцзюэ умеет менять число очков, кто бы ни метал кости, и потому никогда не проигрывает.

Юноша накрыл стаканчик ладонью на столе, а затем медленно поднял крышку.

— Шесть очков. Второй хозяин, вы проиграли.

Се Дунцзюэ расхохотался. Такого исхода не ожидал никто. Легенда о непобедимости Второго хозяина дала трещину.

А-Жо пододвинул кости противнику.

— Ваша очередь.

Се Дунцзюэ принял стаканчик, бросив на юношу двусмысленный, липкий взгляд. Цзян Ехун едва не заскрипел зубами. «Похотливый кобель... — бушевало у него в голове. — Так и зыркает. Глаза бы ему выколоть».

Се Дунцзюэ небрежно катал кости в стаканчике.

— Ну что, А-Жо, «больше» или «меньше»?

— Я ставлю на «меньше».

Цзян Ехун до боли сжал рукоять меча. Он готов был зарубить Се Дунцзюэ на месте. О чём только думает А-Жо? Почему он ставит на то же, что и этот прохвост? Ревность и обида душили его. Ему казалось, что они перемигиваются. Се Дунцзюэ ведь и раньше искал его встреч... Неужели А-Жо танцевал для него? Цзян Ехун вспомнил их первую встречу: тонкие, полупрозрачные одежды танцора... От этой мысли он едва не лишился рассудка.

Се Дунцзюэ с грохотом опустил стаканчик на стол. Когда он поднял крышку, вместо костей на сукне лежала горстка белой пыли.

Се Дунцзюэ перестал улыбаться. Он поднял глаза на безмятежное лицо А-Жо, и в его взгляде не осталось ничего, кроме холода.

— Ты выиграл. Принесите расписки У Хуэйюнь.

Се Сихэ подошёл к брату и с недоумением посмотрел на прах. А-Жо всё так же невинно и простодушно улыбался.

— Благодарю, Второй хозяин.

Цзян Ехун не желал оставаться здесь ни секунды дольше. Он схватил А-Жо за руку и потащил к выходу.

— Уходим!

Когда они скрылись из виду, Се Сихэ прикрыл лицо веером из журавлиных перьев, прищурившись.

— Похоть — это нож на заливке, брат. Тебе стоит быть осторожнее.

Се Дунцзюэ постучал мушкетом по плечу.

— Когда я увидел его впервые, я думал, он просто смышлёный малый. В таких местах хитрость — не редкость, это даже мило. Мне нравятся коварные лисички. Но я и представить не мог...

Белоснежная лисица запрыгнула ему на плечо, ластясь к щеке. Се Дунцзюэ погладил зверька по голове.

— Оказалось, это вовсе не лисица. Это ядовитая змея.

Цзян Ехун шагал так быстро, что А-Жо едва поспевал за ним, постоянно спотыкаясь.

— Старший брат Чу, я...

Цзян Ехун резко остановился. Гнев всё ещё клокотал в нём. «Лев, ставший бродячей собакой», — горько усмехнулся он про себя, но его аура по-прежнему была пугающей. А-Жо виновато опустил голову.

— Старший брат Чу, ты сердишься?

— Сержусь ли я?! Да я в бешенстве! Ты и этот Се Дунцзюэ...

— Раньше он заходил ко мне в Ижэнь-гэ несколько раз, — тихо проговорил А-Жо.

Цзян Ехун вспыхнул с новой силой.

— И ты пил с ним? Танцевал для него?

А-Жо испуганно кивнул.

— Он был гостем... У меня не было выбора.

У Цзян Ехуна заныло в груди. Какое право он имел злиться? А-Жо жил в борделе, через его жизнь прошли сотни людей. Разве можно ревновать к каждому? Но Се Дунцзюэ был здесь, он дышал ему в лицо своим презрением, он смотрел на А-Жо так, будто уже владел им.

— И что... между вами... было?..

Он замолчал, не в силах закончить вопрос. Зачем спрашивать? Какая разница, что было в прошлом? Но взгляд Се Дунцзюэ стоял перед глазами, и это не давало покоя.

На глазах А-Жо выступили слёзы.

— Старший брат Чу... Ты теперь презираешь меня? Я ведь из тех мест... Я грязный, и это правда. Тебе и должно быть противно.

— Нет! Я вовсе не это хотел сказать! Я просто... — Сердце Цзян Ехуна болезненно сжалось.

А-Жо всхлипнул, выглядя таким незащищенным и надломленным, что у Цзян Ехуна в голове всё перемешалось. Злость на Се Дунцзюэ сменилась ненавистью к самому себе. Он обхватил лицо юноши ладонями. Какое прекрасное лицо... Даже тот, кто не склонен к мужской любви, пал бы ниц перед этой красотой.

Цзян Ехун большим пальцем коснулся губ А-Жо. Бледная роза, не слишком яркая, но и не блёклая. А эти глаза... один взгляд — и ты тонешь без остатка. Он слишком хорошо понимал, что чувствовал Се Дунцзюэ, и от этого становилось только горше.

— Старший брат Чу...

— А-Жо, — выдохнул Цзян Ехун, чувствуя, как внутри всё натягивается до предела. — Я не хочу больше быть твоим «братом». Совсем не хочу!

Глаза А-Жо снова наполнились слезами.

— Что я сделал не так? Я расстроил тебя?

Цзян Ехун горько усмехнулся.

— Неужели ты, такой умный, не замечаешь? То, что я чувствую... — Слова застревали в горле, горькие, как полынь.

Он не выдержал. Наклонился и накрыл губы А-Жо своими. Они оказались до безумия мягкими. Цзян Ехун жадно прильнул к нему, прикусывая нижнюю губу юноши. А-Жо вздрогнул, он поморщился от боли, в глазах заблестели слёзы, но он не отстранился.

Цзян Ехун обнял его за талию, притискивая к себе, и углубил поцелуй. Он действовал грубо, властно, заставляя разомкнуть зубы, сплетаясь языком с его языком. А-Жо вспыхнул густым

румянцем, он явно не умел целоваться и лишь беспомощно замер в его руках, позволяя делать с собой что угодно. Он едва держался на ногах, вцепившись в рукава Цзян Ехуна. Когда слеза скатилась по его щеке, Цзян Ехун словно очнулся и отстранился.

А-Жо стоял, тяжело дыша, с пылающими щеками и влажным взглядом. Он выглядел так, будто его только что повалили наземь и растоптали, — и этот вид будил в Цзян Ехуне ещё более тёмные желания. Увидев его слёзы, он почувствовал острую боль и вину.

— Теперь ты понимаешь? У меня к тебе только такие мысли. А-Жо, я...

Юноша всё ещё крепко держал его за руки, силясь обрести равновесие.

— Старший брат Чу... Всё, что у меня есть, — твоё. Если ты хочешь... я согласен.

— Дело не в том, чего хочу я. Твоё согласие — это благодарность за спасение или...

Цзян Ехун знал, что А-Жо готов на всё из чувства долга. Но он не хотел, чтобы тот приносил себя в жертву.

— А-Жо, ты тоже спасал меня, и не раз. Ты мне ничего не должен. Не надо заставлять себя. Если не хочешь — просто скажи «нет».

А-Жо покачал головой.

— Нет, всё не так. Я не заставляю себя. Я просто хочу быть с тобой, кем угодно. И ты можешь делать со мной что захочешь. Я... хоть я и жил в том месте, но... у меня ни с кем никогда не было близости. Поэтому... прошу, не презирай меня...

<http://bllate.org/book/17428/1691165>